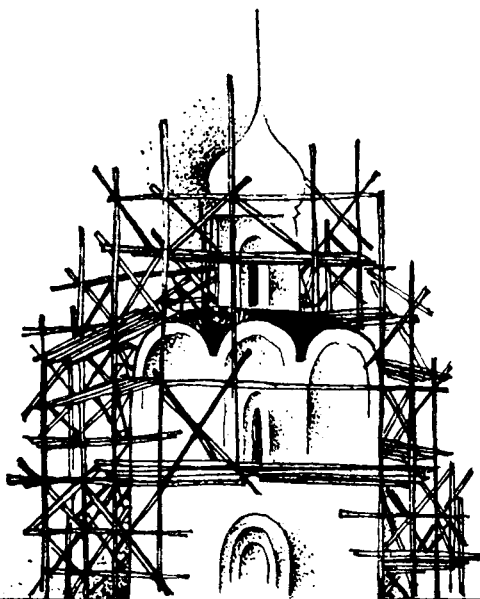

*Станислав
Лесневский* ЗАВЕЩАННОЕ,
ЗАВЕТНОЕ

Москва
«Молодая гвардия»
1977

...Звал он меня к себе, говорил о каком-то одиноком доме, и представлял я таежную избушку, хозяина в охотничьих сапогах. Так и не довелось мне при жизни Александра Яковлевича Яшина побывать в родных его краях. А когда начал ездить туда, по-иному открылись и его стихи, и воспетая им земля.

В году, бывало, и не один раз дорогу эту одолевал поэт. Едешь, летишь и чувствуешь, что поэту необходима была она... От Москвы до Вологды ночь поездом, самолетом мгновенно, а переносишься в особый мир... Вологда — Никольск, и опять иное, непохожее... Из Никольска в Блудново, и тут, от районного городка до деревни, тоже ощущаешь значительность пути... Полчаса от Блуднова на Бобринский угор, от деревни до леса, и опять другой мир... Снова из леса в деревню, из деревни в районный городок, из Никольска в Вологду, из Вологды в Москву... В конце дороги переполнен ее громадностью. Она как жизнь. Больше!

Непрерывным прощанием, непрерывной встречей и была жизнь Яшина. Пришел поэт в большой мир от земли, и всегда его тянуло к ней.

Я даже сна лишился, я тоскую.
А это значит, что в родном краю,
В родных лесах тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою...

Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в моршковый завал,
К кудесникам,
К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал...

Раскинем полог у начала сказок,
Чтоб их целебным воздухом дышать.
Охотничьи побаски и рассказы —
Они из мертвых могут воскрешать.

Котомки сами просятся на спины.
Уже сквозь стены проникает свет...

Далеко где-то зацвели рябины
За Вологдой,
А мне покоя нет.

Нет, не пришлось мне вместе с ним съездить к никольским звероловам. Только довелось проводить в скорбный путь, но лишь до поля под Москвой, откуда поднялся самолет, увозя его в Никольск в последний раз. Ветром задуло от самолета, и мы стояли, глядя на тающую точку... Вверх, в небо... Самолет улетел туда, откуда поэт пришел к нам, чтобы теперь вернуться. Домой. На родную землю.

«Ты проедешь волок, еще волок да еще волок — будет город Вологда...» Мы всегда ощущали, что за Яшиным могучий край, о котором он рассказывал нам. Но только теперь, побывав у Яшина в гостях, пусть и без него, я могу читать стихи Яшина с чувством родства. По крайней мере я знаю, какой музыкой, «нежной и просторной», звучала для него Вологда.

С каждым часом ощутишь север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку с сеном,
И все больше узнается мест...

Дóма я!
На все гляжу с любовью,
Радостно от птичьих голосов.
Никакие парки Подмосковья
Не заменят мне моих лесов...

Дома я!
И сердце бьется с силой,
Мимо, мимо — за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.

Вологда... И снова повторишь Яшина: «Словно из-за моря, воротился из родимой Вологды сосед. День за днем — конца рассказам нет: — Город изменился, обновился за пять лет, как будто за сто лет...» Но четыреста лет Софийскому собору. С колокольни — весь город, и вдали Спасо-Прилуцкий монастырь (основанный в 1371 году), где похоронен Константин Николаевич Батюшков, один из поэтических учителей Пушкина.

Вологда сегодня северная «литературная столица». Здесь Виктор Астафьев, Василий Белов, Виктор Коротаяев, Александр Романов, Ольга Фокина. Старейшиной писательского цеха Вологды остается Александр Яшин. Вот и улица Яшина... Почитаемое место — могила Николая Рубцова, на которой его строка: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» Вот и улица Рубцова. Смотрит она прямо на Софию, выходит к реке Вологде.

С Вологдой кровно связаны Сергей Викулов, Валерий Дементьев, Феликс Кузнецов, Александр Михайлов, Сергей Орлов и другие московские писатели. Вологда — исток и вдохновение поэтов, художников.

Летим в Никольск... Туда ведь «только самолетом можно долететь». На родину Александра Яшина.. Над лесами, лесами, лесами... Где Юг-река... На поляну, где приземлился тот прощальный самолет, где встречали поэта в последний раз, чтобы проводить в Блудново, на Бобришный...

Никольск... С деревянными тротуарами и белыми ночами... С каким-то наивным, милым парком, спускающимся от бывшего собора к Юг-реке. Никольск... Светлое здание пушкинской поры. Памятная доска, отмечающая, что здесь, в педагогическом техникуме, учился Александр Яшин. Теперь тут школа-интернат, носящая его имя. В школьном дворе большой памятник поэту. В школе посвященный Яшину мемориальный музей. Над лестницей слова поэта: «Спешите делать добрые дела!» В Никольске есть улица, названная его именем.

Родина Яшина дальше. Там, где заблудилась деревня в глухом бору. Предание о ее происхождении рассказал Яшин в стихотворении «Деревня Блудново». Лесной дорогой в деревню... Нельзя не остановиться у ручья, вкуснее родниковой воды нет... У поворота на Блудново большой портрет Яшина... И вот еще проедешь — деревня, и лес, и поле кругом... Вот изба, опять-таки с мемориальной доской, гласящей, что здесь

родился Александр Яшин. В той избе живут мать поэта Евдокия Григорьевна, сестра его Александра, Сая. Здесь радушно принимают. Деревня Блудново... Можно написать о ней книгу, можно и выдохнуть только два этих слова. Целый мир. Дети читают стихотворение Яшина «Земной поклон»:

Спасибо тебе, Блудново,
Деревня в лесной глуши:
Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.

Немало в стране хороших
Углов — приезжай, гости!
Куда и добраться проще,
И меньше узлов везти;

Есть Талицы-речки всюду
И если не озеро — пруд,
Повсюду рыбешку удят
И уток и зайцев бьют;

Конечно, и для здоровья
Места благодатней есть...
Но вырос-то я в Блуднове,
С землей породнился здесь.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.

Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд
Кидает меня пешедралом
На север из года в год.

И пусть иногда сурова
Ко мне родная изба, —
Я тутошний,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

Блудново... Березы напротив дома поэта. Начальная школа, где он учился, основанная его дедом. Журавли колодцев. Ворота при въезде в деревню. Поле.

Через это поле — тогда рожь там была — несли Яшина на Бобришный угор. Кто-то с дерева сфотографировал: рожь, дорога, процессия... На Бобришный... Потому что Яшин завещал:

Схороните меня
на Бобришном угоре.
Только на Бобришный.
Там есть против крыльца
моего охотничьего дома
старая береза
с муравейником —
самое чистое место на земле,
самое дивное и сухое.
В грозы обмывается,
в ветры обдувается.
Отсюда
в детстве съезжали мы с горы,
потом — охотились здесь
на рябчиков и глухарей...
Вот место,
которое я для себя выбрал.
Прошу только сюда:
на Бобришный угор.

Так и сделали. И поставили мужики деревянный крест над могилой Яшина. Потом вместо креста деревянный обелиск, как погибшим воинам ставят. А недавно настоящий памятник: бюст на постаменте. В день открытия памятника был здесь народный праздник. Говорили, читали стихи, пели, плясали... Так это место стало не только печальным. Можно сказать, что еще и радостным.

Да, когда идешь на Бобришный, то словно провожаешь Яшина, но и словно идешь к нему. А когда придешь на Бобришный, понимаешь, что пришел к Яшину. Такое это место... Высокое, над рекой, и кругом лес — Чистый бор, и в лесу дом. Вот куда он звал меня. И я все-таки пришел. Бобришный угор... Внизу Юг-река. В доме теперь тоже народный музей, только очень необычный, очень простой и живой... Как при нем. И в тетрадь люди записывают свои письма Яшину. А над домом летят в небе самолеты: оказывается, он у них как ориентир.

Василий Белов в рассказе «Бобришный угор» сказал: «Ведь человек счастлив, пока у него есть родина. Что ж, покамест у нас есть Бобришный, есть родина...» Малая родина, без которой нет и большой Родины. Вот чем был Бобришный угор для Александра Яшина. Такое это место.

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бсбришным угором.

В получасе шаганья
От деревни Блудново
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова...

Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье,
Недоступное людям...

Яшина всегда тянуло сюда. Он называл эти места своей святыней, а в Москве восклицал: «Больше не могу! Надо бежать в северную тайгу, в зеленую благодать, — просто чтобы дышать...» Но это и не просто дыхание или же дыхание от слов «дух», «душа»... Потому: «Бродить по сырой земле босиком — это большое счастье!» Здесь Яшин «запасался светом». И говорил о себе: «В край добра и чудес с прежним рвусь интересом. Я из тех самых мест, где семь верст до небес и все лесом да лесом...» Родная земля — источник добра, желанна ее близость:

Мне просто необходимо
Босым по земле ходить,
Чтоб верить,
И быть любимым,
И самому любить...

В глаза, будто память о детстве,
Зеленые глянут места,
Добру откроется сердце,
И совесть будет чиста.

...Как-то шли мы через поле из Блуднова на Бобришный со Златой Константиновной Яшиной. Через поле голубого льна... Я видел, как хорошела жена поэта, когда мы шли на Бобришный... И дети Яшина светлеют, когда идут к отцу... В нем смысл их жизни. Отец дал им чувство Родины.

Наталья Яшина опубликовала повесть «О моем отце» (в журнале «Север»), Михаил посвящает отцу стихи. Одно из них — «Друзья отца»:

Я думал, вас осталось мало —
По пальцам можно перечесть.
И часто сердце забывало,
Что все-таки, наверно, есть

Еще друзья отца на свете.
(Как и враги — само собой...)
Ведь кто-то должен быть в ответе
За человеческую боль...

И сразу канула тревога...
Мне одиноким быть нельзя.
Друзья отца, вас очень много!
Вы и мои теперь друзья!..

Друзья и летом и зимой приходят к Александру Яшину. Никольчане объявили эти места заповедными.
«На Бобришном угоре» — стихотворение Александра Романова:

На Бобришном к белой березе,
На карельский черный гранит
Он встает, молчаливый, в бронзе,
И стихами бронза гудит.
Мы волнуемся, кепки снявши,
Все друзья его с давних пор...
Говорим снова: «Здравствуй, Яшин!»
«Здравствуй!» — эхом вторит угор.
И уносится эхо в пашни,
И во ржи колоску колосок
Шепчет на ухо: «Яшин.. Яшин...»
Здесь бывал он, тоску сбивал.
И летит эта весть все дальше
В пенье птичьем, в хлопанье крыл
К морю Белому: «Яшин... Яшин...»
Птиц любил он, зверей любил...
Вьется лист, с березы опавший,
Грустно падает на металл.
Над строкою думает Яшин.
Он бы раньше тот лист поднял.

Евгений Евтушенко после поэтического праздника на Бобришном написал стихотворение «Памятники Яшину»: «Мать Яшина у памятника Яшину сидела в белом крапчатом платке...»

С Бобришного угора в Москву огромный путь. Уносишь дыхание Чистого бора, дыхание Родины. Провожаешь взглядом Блудново. Идешь дощатыми тротуарами Никольска. Летишь над лесами, лесами, лесами. Вологда... Прыжок самолета, и непредставимая в Чистом бору, на Бобришном угоре — Москва... Обе дороги — духовный путь поэта. Обе необходимы...

...Мы сразу стали тише и взрослей.
Одно поют своим согласным хором

И темный лес, и стаи журавлей
Над тем Бобришным дремлющим угором...

Это строки из стихотворения Николая Рубцова «Последний пароход», посвященного памяти Александра Яшина. Рубцов был поэтическим наследником Яшина, он принял за старшим другом позывные «звезды полей», звезды России:

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

1972—1977